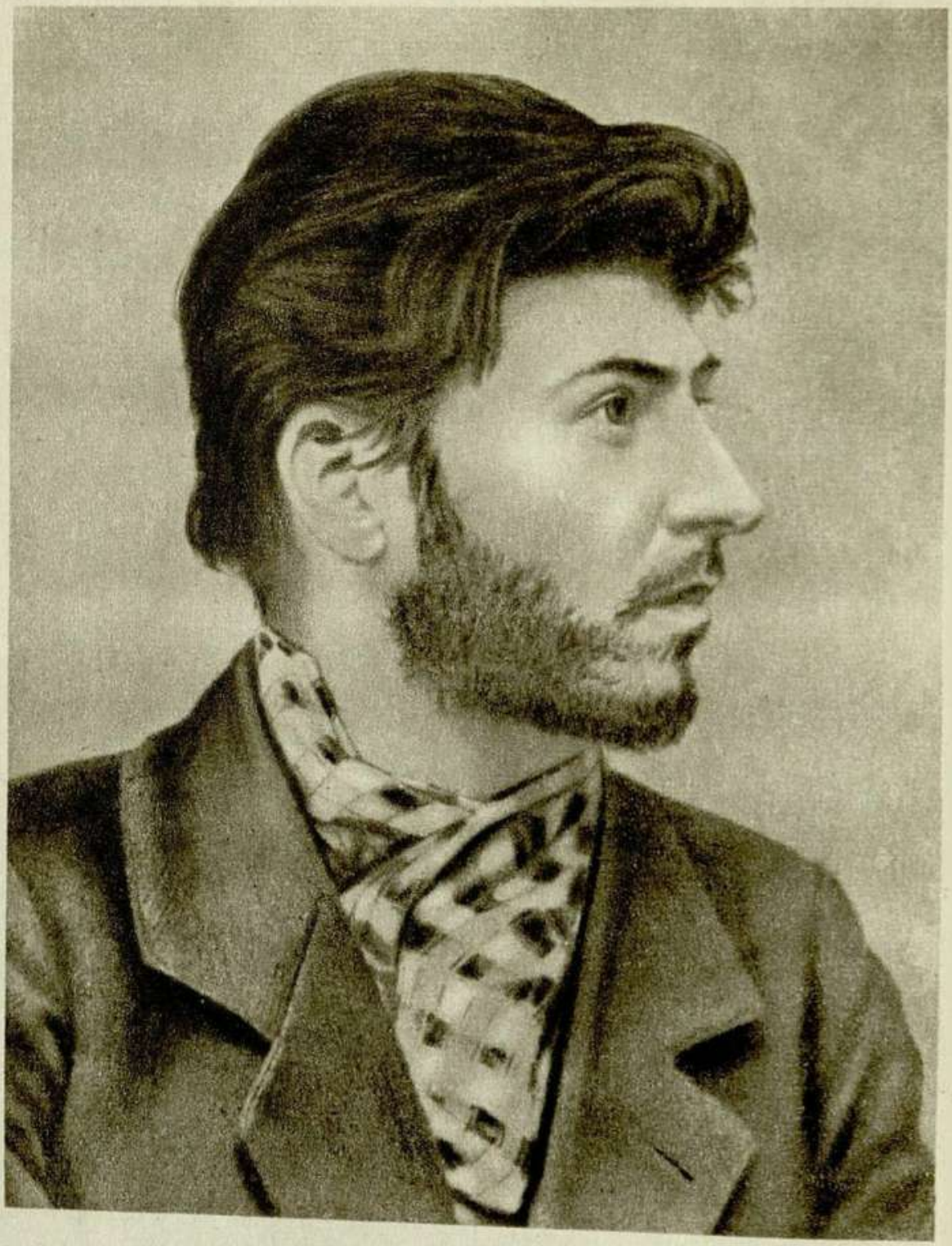
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕЧКА

СТАЛИН и ХАШИМ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1937



И. В. Сталин (това́рищ Coco) в 1901 году.

С76

СТАЛИН
И
ХАШИМ

НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ БАТУМСКОГО ПОДПОЛЬЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *О. Саяпина.*
Художеств. редактор *И. Иванов.*
Техническ. редактор *Р. Кравцова.*
Корректора: *О. Каплан и Е. Трушковская.*
Сдано в производство 20/VI 1937 г.
Подписано к печати 13/IX 1937 г.
Формат 82 x 113 1/32. 3 1/4 печ. листа.
(2,2 учетно-авторских листа).
Индекс Д-7. Детиздат № 1408.
Уполномоченный Главлита Б-28868.
Тираж 100 300. Зак. № 756.

Фабрика детской книги изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сущевский вал, 49.

32351 1957-60 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

6787749 Кх reg.

Российская государственная
детская библиотека

На окраинах Батуми раскинулись фабрики, заводы и рабочие поселки. Тесно прижались к ним селения аджарцев и абхазцев. В описываемый нами период самым крупным заводом в Батуми был завод Ротшильда «Бнито»; на нем работало до шести тысяч рабочих. На заводе Хачатурянца работало тысяча двести человек; два завода Манташевых объединяли четыре тысячи; ряд других мелких заводов — до двух тысяч рабочих. Кроме того, на береговых работах было занято до трех тысяч рабочих. Подавляющее большинство их составляли, кроме местных жителей — аджарцев, крестьяне — выходцы из Гурии, Мингрелии, Имеретии и Абхазии; много было также русских, армян и других. Это были бедняки, ушедшие на фабрики и заводы в надежде на

облегчение своего тяжелого экономического положения.

Рабочие селились обычно в районах Барцханы и Городка [1]. Но так как число рабочих все возрастало, а площадь рабочих поселков становилась все тесней, «отцы» города серьезно стали призадумываться над вопросом, где за чертой города можно было бы еще поселить рабочих с их семьями.

В стороне от Барцханы и Городка, на противоположной окраине города, находился огромный болотистый участок, носивший достойное себя название «Чаоба» [2]. Эти, с позволения сказать, «земли» были пущены в продажу по одной копейке за сажень. Вполне понятно, что такая «дешевизна» заставила изнуренных бедностью рабочих ухватиться за протянутую «заботливой» рукой городских чиновников соломинку; на болотах стали вырастать дома «на курьих ножках», образуя постепенно большой рабочий поселок.

К этим трем рабочим поселкам — Городок, Барцхана и Чаоба — вплотную прилегают селения Махмудия, Ферия, Фезия, Салибаури, Анкиса и Кахабери. Часть жителей этих селений — с одной стороны, за отсутствием сво-

[1] Окраины Батуми.
[2] По-грузински — болото.

бодных для обработки земель, а с другой — из-за своей бедности — принуждена была итти на фабрики, заводы и береговые работы. Таким образом, тесная связь и сплоченность рабочих и крестьян основывались не только на близости их территориального расположения, но и на почти одинаковом экономическом положении.

И когда в эту обездоленную пролетарскую массу было брошено первое революционное семя, оно взошло быстро.

Из рабочих поселков явственно и резко стал доноситься голос возмущенного бесправием и голодом пролетариата, а вслед за ним заговорило и крестьянство. И чем усерднее старались власти заглушить разраставшийся революционный ропот, тем крепче становилось классовое самосознание рабочих и крестьян.

Постепенно это брожение начало принимать определенные формы. В 1897 году на Барцхане организовался первый нелегальный социал-демократический кружок, а через несколько лет наряду с ростом подобных барцханскому кружков в селении Кахабери вырастает крестьянская революционная группа, связанная с революционными рабочими заводов Сидиридиса, Манташева и Хачатурянца.

Малочисленность барцханского кружка в период 1897 — 1901 годов не позволяла ему широко развернуть свою работу, которая носила главным образом пропагандистский характер.

Обычно в праздничные дни на Барцхане, на покрытой зеленью площади, собирались рабочие и устраивали там гулянья с играми, танцами и прочим. Этими гуляньями пропагандисты пользовались для того, чтобы проводить беседы с отдельными группами наиболее передовых рабочих.

О существовании этого кружка было известно полиции, но «накрыть» его врасплох, в момент его непосредственной политической работы, ей не удавалось: как только где-нибудь появлялся полицейский чин, сейчас же беседовавшие группы начинали танцовать и играть в мяч. Руководил «танцами» работавший в барцханском кружке учитель танцев Ивлиан Шапатава. Невинность увеселений убеждала полицию в отсутствии чего-либо «противозаконного».

Иногда игра в мяч в присутствии полиции велась так усердно и «показательно», что мяч попадал в головы полицейским, что еще больше убеждало последних в невинности сборища.

Товарищ Сталин руководит кружком аджарцев в Батуми в 1901 году.
С картины художн. П. Бусырева.

В конце 1901 года из Тбилиси в Батуми прибыл один из руководителей тогда еще единой социал-демократической партии, которому было поручено руководство подпольной работой батумской организации, — товарищ Сосо Джугашвили (Иосиф Виссарионович Сталин).

Товарищ Сосо, как называли его революционные рабочие, поселился в Батуми, на Тифлисской улице, в квартире рабочего манташевского завода Чхаидзе.

Ознакомившись с работой барцханского кружка, товарищ Сосо в беседе с членом кружка Ивлианом Шапатава сказал:

— У вас очень медленно идет работа, а надо добиться того, чтобы революционное движение развивалось как можно скорее.

Начав работу, товарищ Сосо в первую очередь привлек к ней членов барцханского кружка. Пользуясь их связями с рабочими, он стал привлекать к себе всё новые и новые группы рабочих, давая каждому из них в отдельности задания: сагитировать у себя на фабрике или заводе надежных рабочих и втянуть их в работу подпольной организации.

Первое узкое собрание из представителей рабочих заводов Манташева, Ротшильда, Сидиридиса и других состоялось под руковод-

ством товарища Сосо. На этом собрании, как рассказывает товарищ Котрикадзе, товарищ Сосо говорил:

— Меня, товарищи, послали к вам тбилисские рабочие, чтобы побеседовать с вами. Тбилисские рабочие, как вам известно, проснулись от сна и готовятся на борьбу со своими врагами. Батумские же рабочие еще спокойно спят. Я призываю вас последовать примеру тбилисских рабочих и итти с ними рука об руку против общих врагов.

Второе тайное собрание прошло на квартире Чхаидзе. На этом, уже более многолюдном собрании товарищ Сосо говорил:

— Начиная с Манташева и его приказчиков и кончая городовыми, — все являются нашими хозяевами, причем хозяевами такими, которым надо, чтобы мы больше работали, меньше кушали и еще меньше говорили о том, что нам хочется кушать. Вот с этими хозяевами мы и должны бороться, для того чтобы рабочие могли свободно говорить о своих нуждах.

— Очень часто, — рассказывает один из участников этого собрания, П. Долибадзе, — мы слышали, как товарищ Сосо упоминал имя Ленина. Имя Ленина у Сосо было неразрывно связано с разговорами о все новом вовлечении надежных рабочих в дело революции.

— Нам нужна масса, — говорил товарищ Сосо, — и только масса. Без нее у нас ничего не выйдет.

Слова товарища Сосо вскоре же оправдались на деле: на фабриках и заводах организовывались политические кружки, рабочая масса в целом революционизировалась, и было видно, что приближаются события, обещающие развернуться в широкое стачечное движение.

В 1901 году на заводе «Бнито» рабочими впервые были предъявлены экономические требования.

О подпольной работе товарища Сосо стало известно полиции. Это обстоятельство вынудило его временно переселиться в Городок, в дом Силибистро Ломджария. Однако, ввиду того, что его пребывание и здесь не было вполне безопасно, товарищ Сосо, вынужденный кочевать из дома Ломджария в дом Алания и обратно, был поставлен перед необходимостью подыскать более надежное убежище не только для себя, но и для подпольной типографии, находившейся тогда в стадии организации.

Подысканием такой квартиры кружок на

Товарищ Сталин организует забастовку тбилисских железнодорожных рабочих в 1902 году.
С картины художн. Хуцишвили.

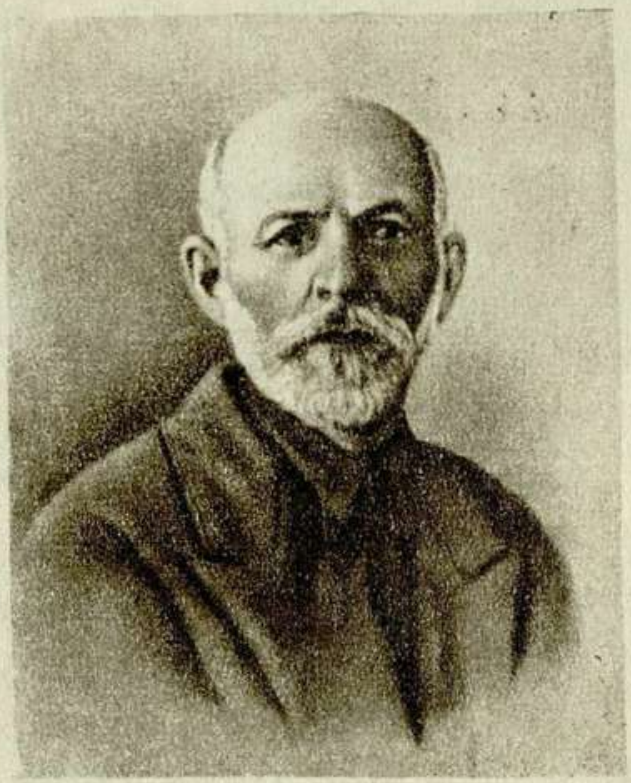
манташевском заводе поручил заняться Иллариону Дарахвелидзе и Ивлиану Шапатава.

Чаоба — недавно возникший рабочий поселок — пока еще не находился под подозрением полиции. Многие товарищи приписывали это тому обстоятельству, что путешествие по непроходимым лужам поселка не всегда было по душе полицейским чинам.

В этом рабочем поселке находился дом, принадлежавший двум владельцам: одна половина дома, состоявшая из трех комнат, в которых жил Ивлиан Шапатава с женой Деспиной Шапатава, принадлежала Нико Нацвала; другая же половина, состоявшая также из трех комнат и принадлежавшая Мато Русидзе, оказалась свободной. Илларион Дарахвелидзе, которому было поручено вместе с Шапатава подыскать квартиру для товарища Сталина, сам в ней нуждался, и в манташевском кружке было решено, что эту квартиру займут на свое имя братья Илларион и Дариспан Дарахвелидзе, а товарищ Сосо с подпольной типографией устроится в ней нелегально. Братья Дарахвелидзе заняли две комнаты, а в третью комнату через неделю перешел товарищ Сосо. Вскоре туда же была перенесена подпольная типография. Почти одновременно с товарищем Сосо в комнаты

братьев Дарахвелидзе вселился один из революционных работников того времени — Кокия Канделаки.

С момента переселения товарища Сосо в квартиру Дарахвелидзе начинается еще более



Коция Канделаки — батумский рабочий.

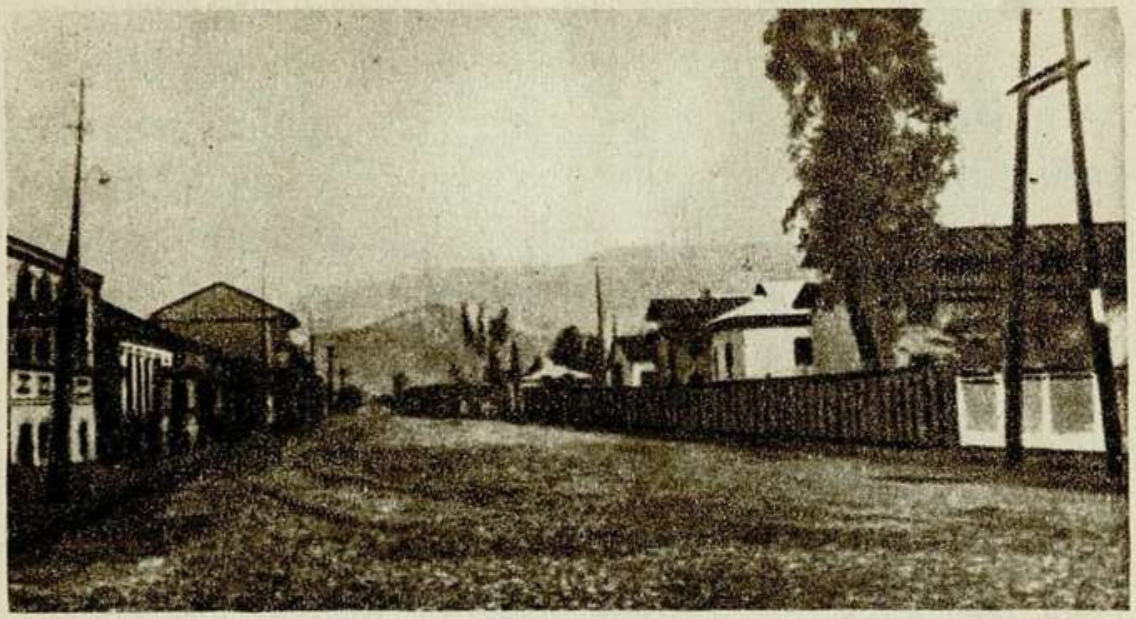
плановая, упорная, энергичная и горячая работа: в дело революционного движения втягиваются все большие и большие кадры сознательных рабочих, расширяется сеть политических кружков, внедряется классовое самосознание в широкую рабочую массу. Почти каждую ночь товарищ Сосо созывал у себя на квартире собрания руководителей и актив

подпольных кружков. На собраниях прорабатывались и подготавливались вопросы о политических выступлениях рабочих, о подготовке стачек и забастовок. После собрания, до самого рассвета, товарищ Сосо вместе с неизменным своим помощником наборщиком Георгием Телия печатал в подпольной типографии прокламации.

Каждый нажим на рабочих со стороны заводской администрации, каждое выступление властей, поддерживавших интересы владельцев заводов, находили свое отражение в листовках, выходивших из-под печатного станка товарища Сосо. Эти листовки будоражили, волновали рабочих, пробуждали их классовое самосознание, вызывали горячие и громкие разговоры о том, что надо во всеуслышание заявить о своих правах, предъявить свои экономические и правовые требования, заставить предпринимателей удовлетворить их.

События не заставили себя долго ждать.

31 января рабочие завода Манташева объявили забастовку протеста против действий управляющего заводом. Полиция арестовала свыше ста рабочих. Но рабочие стояли крепко, забастовка продолжалась свыше двух не-



Площадь перед пересыльными казармами в Батуми, на которой 9 марта 1902 года происходила политическая демонстрация рабочих под руководством товарища Сталина.

дель и кончилась победой рабочих: управляющий заводом был уволен, все уволенные рабочие приняты обратно, была выплачена зарплата за время забастовки и прочее.

В это же время на заводе Ротшильда было уволено триста восемьдесят два старых рабочих — «политически неблагонадежных». 1 марта 1902 года рабочие завода объявили забастовку и под руководством товарища Сосо выработали для предъявления заводоуправлению ряд требований, в числе которых были требования об обратном приеме уволенных рабочих и установлении восьмичасового рабочего дня.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
678749
Российская государственная
детская библиотека

7 марта 1902 года на площади Турецкого базара произошел первый в истории рабочего движения в Батуми шеститысячный митинг рабочих, на котором открыто обсуждались требования рабочих. Митинг был разогнан казаками. В результате стачки было арестовано до ста рабочих.

На другой день, 8 марта, товарищ Сосо организовал внушительную демонстрацию протеста с требованием освобождения арестованных рабочих.

Невиданная доселе в Батуми организованная масса рабочих с революционными возгласами двинулась к областной тюрьме. Это событие оказалось настолько неожиданным для властей, что по дороге к тюрьме демонстрацию никто не задержал, а стоявшие на постах городовые попрятались за ворота. И только когда демонстранты уже вплотную подошли к тюрьме, власти опомнились, и вся демонстрация была окружена плотным кольцом конных казаков.

Каким-то образом демонстрантам стало известно, что арестованных рабочих в областной тюрьме нет и что они находятся в пересыльных казармах.

Демонстрация батумских рабочих под руководством товарища Сталина в 1902 году.
С картины художника А. Кутателадзе.

Несмотря на кольцо казаков, рабочие спокойно повернули от тюрьмы и направились в сторону пересыльных казарм. Кольцо казаков настороженно двинулось вместе с демонстрантами, не разрывая окружения. Рабочие поняли, что казаки всю демонстрацию целиком хотят загнать во двор пересыльных казарм, и многие стали отставать от демонстрантов. Таким образом, когда демонстрация приблизилась к пересыльным казармам, в ее рядах осталось всего человек четыреста-пятьсот, которые требовали освободить арестованных или арестовать и их всех. Хитростью казаки загнали их и заперли в пересыльных казармах.

В числе запертых был и Ивлиан Шапатава, но ему, как известному в городе учителю танцев и ни в чем не заподозренному человеку, разрешили отлучиться из-под ареста (так рассказывал сам Ивлиан Шапатава).

Прибежав домой, Ивлиан заявил товарищу Сосо:

— Раз случилось такое несчастье, значит, местопребывание нашей типографии сейчас же станет известно полиции. Ее надо немедленно отсюда убрать, иначе мы все погибнем.

Товарищ Сосо на это сказал:

— Мы снова устроим демонстрацию для того, чтобы освободить четыреста пятьдесят

рабочих, застрявших в пересыльных казармах, а насчет типографии ты не очень беспокойся: так сразу на нее не нападут.

Утром 9 марта свыше трех тысяч рабочих снова вышли на демонстрацию. Клокочущей лавиной рабочие хлынули к пересыльным казармам. Впереди шли товарищи Сосо и Геронтий Каландадзе.

Вплотную подступивших к казармам рабочих встретили штыки солдат под командой капитана Антадзе. Среди демонстрантов началось было замешательство, но в этот момент над толпой раздался голос товарища Сталина:

— Солдаты в нас стрелять не будут, а их командиров не бойтесь. Бейте их прямо по головам, и мы добьемся освобождения наших товарищей.

Толпа загудела и угрожающе двинулась в сторону казарм.

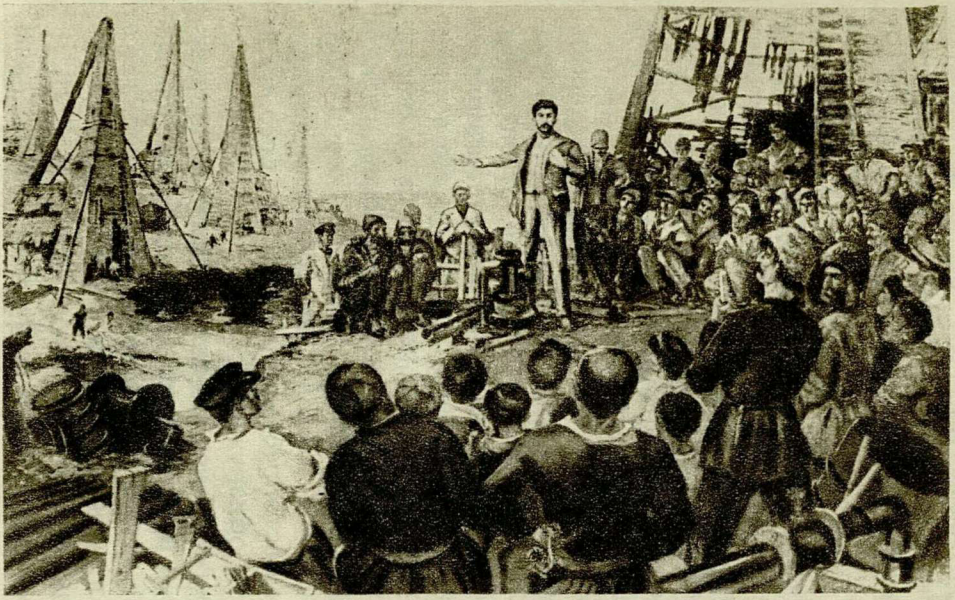
— Освободите наших товарищей или и нас посадите с ними! — слышались крики рабочих.

Но капитан Антадзе скомандовал «пли». И, несмотря на то, что многие солдаты стреляли вверх, четырнадцать рабочих все же оказались убитыми и свыше сорока раненными.

Эта дикая и кровавая расправа подняла на ноги весь рабочий Батуми, ответивший на такие действия царских приспешников всеобщей забастовкой. А похороны жертв кровавого расстрела вылились в грандиознейший митинг, на котором выступавшие товарищи заклеймили позором и царское правительство и хозяев — капиталистов.

Для прояснения классового самосознания батумских рабочих события 9 марта сыграли колоссальную роль. Товарищ Сосо использовал их, чтобы углубить и расширить среди рабочих пропаганду идей социализма, чтобы прочнее поставить дело организации рабочих и теснее сплотить их вокруг партийного знамени.

Четыреста пятьдесят запертых в пересыльных казармах рабочих были вскоре высланы из Батуми. Но эти гурийские, мингрельские, имеретинские и другие батраки и безземельные крестьяне — свидетели кровавой расправы — повезли с собой на родину также изданные в Батуми прокламации о событиях 9 марта, писанные товарищем Сосо, и разнесли по селениям западной Грузии революционную «заразу», нашедшую здесь благоприятную



Товарищ Сталин организует бакинских рабочих.
С картины художн. Сидамон-Эристова «Вышки землевеликиев».

почву; уже вскоре после того начались открытые возмущения крестьян против помещиков и правительства.

Революционная организация понесла большие потери, но жертвы 9 марта не расстроили рядов борцов, а наоборот, сплотили их еще сильнее.

С момента этой памятной демонстрации полиция напала на след товарища Сосо.

Случилось это так. Среди раненных царскими пулями оказался бывший на демонстрации вместе с товарищем Сосо Геронтий Каландадзе. Ранен он был в руку. Невзирая на опасность положения, товарищ Сосо посадил Геронтия в фаэтон и повез к себе на квартиру на Чаоба. Проследить до конца, в какой именно дом повез товарищ Сосо Геронтия, полиция не могла, но все же следы, ведшие к местопребыванию товарища Сосо, были отчасти обнаружены.

Товарищ Сосо это понял. Братьям Дарахвелидзе и всем жившим в этом доме он посоветовал, чтобы они, возвращаясь домой, заходили в разные дворы и таким образом запутывали следы.

Через две недели благодаря наблюдениям

членов революционной организации за действиями полиции стало ясно, что полиции известны и местопребывание подпольной типографии и квартира товарища Сосо и что полиция только выжидает удобный момент для захвата типографии во время работы.

Ивлиан Шапатава внес предложение: не теряя ни минуты, перебросить типографию в другое, более надежное место. Но товарищ Сосо с этим не согласился.

— Ничего, — сказал он, — сегодня не придут, а завтра мы успеем спрятать типографию. Сам же я, пожалуй, никуда отсюда не пойду.

Весь этот день и всю ночь напролет товарищ Сталин непрерывно работал в типографии. Только на другой день, когда было изготовлено нужное количество листовок, товарищ Сосо занялся перевозкой типографии в другое, более надежное место.

Кладбище Соук-Су расположено по дороге из Городка в селение Махмудия. Сторожем кладбища был Илларион Качахмадзе, который состоял членом батумской социал-демократической организации. О том, какую роль играло это кладбище в подпольной револю-

ционной работе, Качахмадзе рассказывает следующее:

«Незадолго до кровавых мартовских событий, в феврале 1902 года, ко мне как-то пришел Силибистро Ломджария и заявил, что он послан от Сосо Джугашвили, который хочет созвать на кладбище тайное собрание.

Я понял, что́ требовалось от меня, и к назначенному времени устроил все, что было нужно. Ночью лил сильный дождь, но, несмотря на это, собрание было многолюдным. Докладчиками выступали товарищи Сосо Джугашвили и Коция Канделаки. Что именно говорилось на этом собрании, я теперь уже не помню, но хорошо помню, что перед рабочими ставился вопрос о необходимости предъявить предпринимателям свои экономические требования.

После этого собрания я встал как можно раньше, чтобы собрать с земли окурки, оставленные рабочими; следы же людей смыло дождем. В этот день на кладбище должны были принести покойника, и я занялся приготовлением могилы. Во время работы ко мне явился из Городка старший стражник. Испуганным и в то же время грозным голосом он сказал мне:

Нелегальное собрание на Ходжеванском кладбище в Тбилиси во главе с товарищем Сталиным.
С картины художн. А. Гиголешвили.

— Здесь, оказывается, вчера ночью было собрание, а ты ничего не знаешь?

Что я мог ответить ему? Я только сказал, что работаю я днем, а про ночь ничего не знаю.

Стражник страшно рассвирепел, стал кричать, но, видя, что я не обращаю на все это внимания и, повернувшись к нему спиной, продолжаю копать, злобно плюнул и ушел».

В конце февраля, почти накануне мартовских событий, на том же кладбище товарищ Сосо созвал еще одно ночное собрание, на котором уже детально разрабатывался план предстоящей стачки.

Кладбище Соук-Су являлось убежищем для революционеров в особо трудные моменты работы.

Как-то вечером в апреле у ворот кладбища остановился фаэтон. Из него вышел Коция Канделаки и позвал к себе Иллариона Качахмадзе.

— Послушай, Илларион. Вот эта типография, — Канделаки указал на фаэтон, — послана тебе нашей организацией, и ты должен ее хорошенько запрятать.

В фаэтоне находились два больших кувшина со шрифтом и печатный станок. Илларион позвал жену на помощь, и вместе они понесли

станок и кувшины в кукурузник, расположенный тут же, около жилого дома Качахмадзе. Фаэтон быстро исчез, увозя Коция Канделаки.

Илларион уже почти дошел до кукурузника, как вдруг с дороги до его слуха донесся стук конских копыт. Не снимая с плеч печатного станка, Илларион присел за куст и увидел направлявшихся в сторону Городка конных жандармов. Когда они проскакали, Илларион встал и хотел было нести станок дальше, но в этот момент снова послышался стук конских копыт. Илларион опять, не снимая с плеч станка, спрятался за куст. Это были казаки, которые быстро пронеслись мимо кладбища. Очевидно, жандармы и казаки пытались поймать Коция Канделаки вместе с типографией.

Из временного убежища на кладбище Соук-Су типография была перенесена в дом Силибистро Ломджария. Однако, и здесь оказалось почти невозможным хоть сколько-нибудь спокойно работать и скрывать типографию. Полицейские шныряли по всему Городку. Перед организацией встал вопрос о крайней необходимости запрятать типографию как можно подальше, с тем, конечно, чтобы товарищ Сосо мог бесперебойно в ней работать.

В актах Кавказской археографической комиссии имеется документ, в котором сказано:

«В 1830 году приведена в окончательную зависимость Абхазия».

Так с невозмутимым спокойствием и наглостью писал в своем рапорте царский сатрап много лет тому назад.

В 1830 году произошло большое событие в истории Абхазии, обрушившееся на голову трудового абхазского народа большим несчастьем.

Не так просто и не так легко «приводится в зависимость» целая страна — страна, из века в век отстаивавшая свою свободу. И только залив эту страну морем крови и слез, усеяв свой путь трупами свободолюбивых абхазцев, «покорители» сумели «окончательно привести в зависимость» Абхазию.

Когда составлялись акты археографической комиссии, покорителям казалось, что дело покорения Абхазии действительно сделано окончательно и прочно. Но совсем не так думали об этом сами абхазцы.

Широко разлилась по горам волна абречества. Люди, становившиеся абреками, вовсе не были разбойниками, как думали об этом многие. Это были люди, которые не могли выносить вмешательство царских чиновников и христианских миссионеров в их внутреннюю жизнь, люди, которые не хотели мириться с

насилием над личностью, с насильственным крещением, с произволом стражников и т. д. и т. п. Непокорные убивали чиновников, истребляли войсковые части, не миловали и миссионеров и, избегая преследований завоевателей, уходили в горы, становились абреками — людьми вне закона.

Памятной страницей в историю покорения Кавказа и в историю революционного движения Абхазии вошли крупные столкновения между царскими войсками и абхазскими крестьянами, причем наиболее крупное и знаменательное из этих столкновений окончилось истреблением на Лыхненской площади[1] многочисленного отряда казаков во главе с полковником Коньяром, объявившим перед этим «милостивые» царские законы, подчиниться которым и без того измученное население не имело никакого желания.

В ответ на эти события со стороны царского правительства последовали небывалые еще репрессии, принудившие абхазцев оставить родину и эмигрировать в Турцию.

В 1877 году со всех концов Абхазии к берегу моря потянулись огромные толпы абхазцев с семьями, с убогими пожитками и горсточками родной земли, тщательно завязан-

[1] Лыхны — столица Абхазии того времени.

ной в платочки и башлыки. У берега этих людей уже ожидали турецкие суда с большими огненными полумесяцами на парусах.

И ушли махаджири[1] в море. Ушли изгнанники искать лучших дней, искать лучшей почвы для спокойного труда.

Многие махаджири, не имея средств добраться до обещанных земель в Турции, после долгих мытарств по морю были высажены в Батуми. Здесь абхазцы вначале работали поденно на береговых работах, а затем расселились вместе с аджарцами в окрестностях Батуми, где образовали селения Махмудия, Ферия, Фезия, Салибаури, Анкиса и Кахабери.

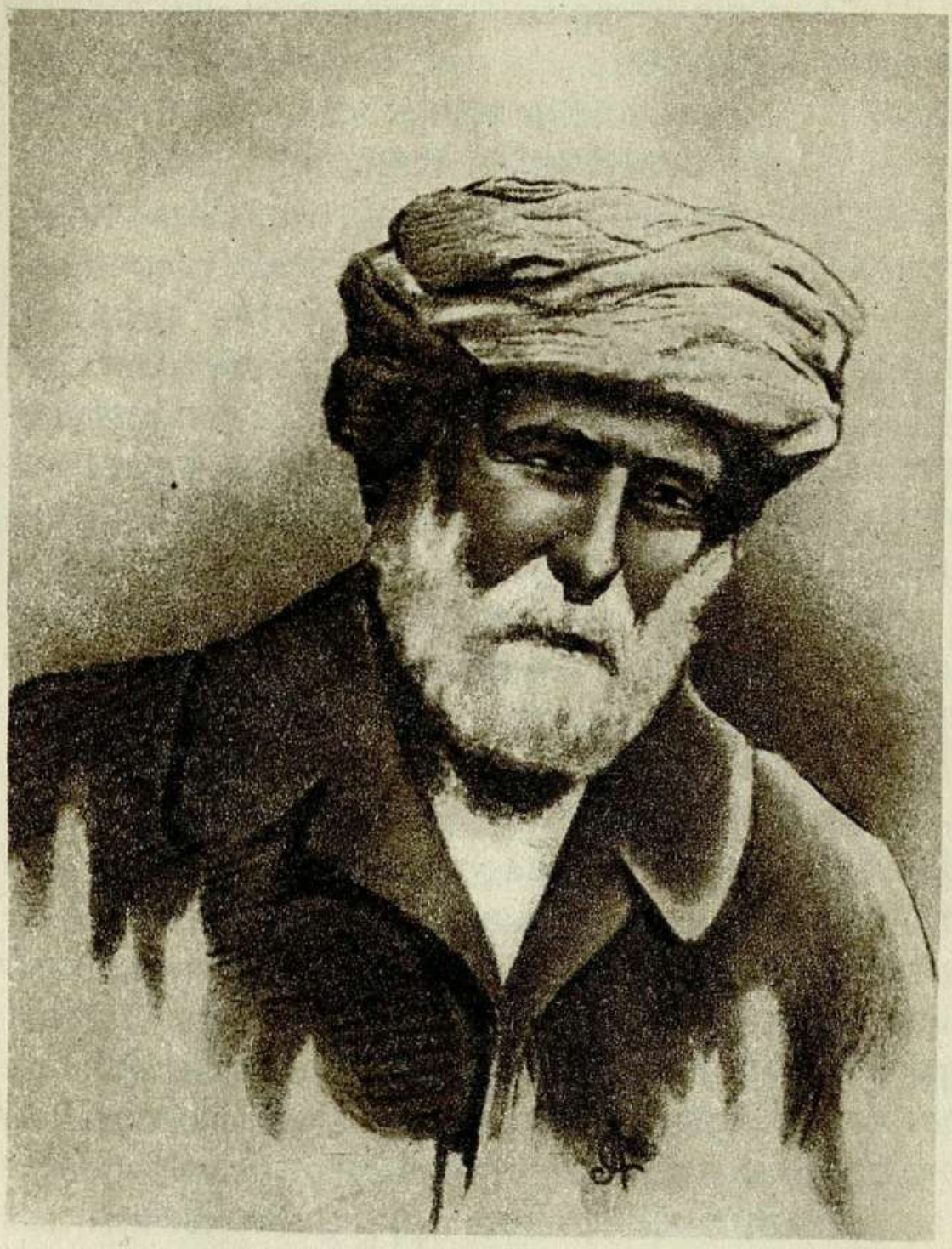
В селении Махмудия жил абхазец по имени Хашим Смырба. Он был одним из махаджири.

Соседи-крестьяне и многие городские рабочие знали Хашима как честного и смелого человека. И к нему-то обратилась батумская революционная организация в трудный момент.

В революции Хашим понимал мало, но когда Силибистро Ломджария пришел и, объяснив положение дела, попросил убежища для товарища Сосо и подпольной типографии, Хашим сказал:

---

[1] Изгнанники.



Хашим Смырба.

— Хорошо!

И в тот же вечер сам Хашим с сыном Хемды и зятем Реджебом, верхом, перевезли типографию из дома Ломджария к себе, а на другой день к ним переселился товарищ Сосо.

Часто соседи Хашима видели, как к нему в дом приходили женщины под чадрой, но без особого труда они узнавали спрятанных под чадрой мужчин. Много думали крестьяне о том, почему это в дом Хашима ходят переодетые мужчины и почему сам Хашим уж очень часто уходит из дома с корзинкой, наполненной зеленью.

Люди под чадрой были наборщики, работавшие совместно с товарищем Сосо в подпольной типографии, а в корзинке Хашима под зеленью находились любопытные вещи.

Хашим не только скрывал у себя революционера-подпольщика товарища Сосо и его типографию, но он со всей добросовестностью занимался еще и тем, что разносил продукцию этой типографии куда следовало. Хашим распространял прокламации и листовки среди крестьянского населения, среди рабочих, а иногда, по заданиям товарища Сосо, он возил их в Поти и Озургеты, спрятав в свежей капусте. На фабриках и заводах Хашим продавал «фрукты», и, когда к нему подходили

покупатели, которых он считал ненадежными, Хашим брюзжал:

— Аллах, аллах! Не мне бы, старику, возить фрукты на собственной спине, да вот бедность проклятая заставляет.

А надежным покупателям он заворачивал фрукты в прокламации и листовки без лишних слов.

Соседи Хашима продолжали недоумевать: что же это делается у старика? Под чадрой приходят, под чадрой выходят. Хашим чуть ли не каждый день торгует фруктами и овощами. И пожимали плечами соседи-старики. Но когда они узнали, что у Хашима печатаются какие-то бумаги, они решили вопрос по-своему: не иначе как у Хашима печатаются бумажные деньги, а этот человек — Сосо — не иначе как фальшивомонетчик. Между прочим, и сам Хашим до привлечения его к распространению листовок тоже думал, что товарищ Сосо печатает фальшивые бумажные деньги.

И вот однажды вечером, когда товарищ Сосо был дома, к Хашиму пришло несколько крестьян — абхазцев и аджарцев. Говорили о хозяйстве, о продуктах, о дороговизне, о том, что мало денег у них, и, когда заговорили об этом, вдруг задали товарищу Сосо прямой вопрос:

— Слушай, Сосо, хороший ты человек и хорошее дело ты делаешь. И чувствуем мы, что нам, беднякам, наверное, скоро помощь от тебя придет. Ты вот целые ночи работаешь, печатаешь, а результатов что-то не видно. Когда же, наконец, ты пустишь в ход свои деньги?

Долго товарищ Сосо молча смотрел в лица крестьянам и затем сказал им:

— Вот что, старики, я вовсе не фальшивомонетчик и никаких фальшивых денег не делаю. Помочь вам в вашей бедности, в вашем тяжелом положении я действительно хочу, но только не так, как вы думаете. Я печатаю не деньги, а прокламации, в которых пишу о том, как вам тяжело живется и как нужно исправить эту беду. Я хочу, чтобы вы вместе с рабочими спихнули царя с его высокого сиденья и создали свою собственную власть, для того чтобы вы сами могли распоряжаться своей жизнью и своим трудом.

Старики молчали. Они вопросительно смотрели друг на друга. А потом старший по годам из присутствующих сказал:

— Хорошо, Сосо! То дело, которое ты делаешь, для нас не чужое дело. Помогать тебе делать фальшивые деньги мы, пожалуй, не стали бы, потому что, кроме крайней нужды в

деньгах, мы больше в них ничего не понимаем. А вот, когда ты говоришь, что царь мешает нам хорошо жить, здесь мы многое понимаем, и теперь каждый из нас будет тебе неплохим помощником. До сегодняшнего дня тебя прятал один Хашим — спасибо ему за это, а теперь мы все будем прятать тебя с твоей работой, насколько хватит у нас сил и умения.

С этими словами старики ушли.

Оставшись с Хашимом наедине, товарищ Сосо сказал ему:

— Может быть, Хашим, я стесняю тебя тем, что веду у тебя в доме такую работу, которая влечет за собой много разных последствий? Может быть, ты не желаешь, Хашим, если это случится, вместе со мной попасть в тюрьму? Я не думаю тебя обидеть, и, если хочешь, я от тебя уйду.

Хашим долго молча раскуривал трубку, смотрел на товарища Сосо упрямым взглядом и потом сказал:

— Ты, Сосо, у меня, наверное, видел во дворе двух злых собак. Оставайся, эти две собаки никого чужого сюда не впустят.

Хашим еще помолчал немного, а затем вздохнул:

— Хороший ты человек, Сосо! Как жаль, что ты не мусульманин.

— А что было бы, если б я был мусульманином? — спросил товарищ Сосо.

— Если ты примешь мусульманство, я выдам за тебя замуж семь таких красавиц, каких ты, наверное, еще никогда не видел. Хочешь быть мусульманином?

Товарищ Сосо с улыбкой ответил:

— Хорошо! — и пожал Хашиму руку.

Это «хорошо» Хашим до самой смерти забыть не мог. Он не мог забыть того, что Сосо так внимательно отнесся к его стариковским воззрениям и что Сосо не высмеял его за предложение перейти в мусульманство. Уже семидесятилетним стариком Хашим много раз рассказывал об этом своему сыну Хемды и абхазцу Мустафе Аданба.

На другой день, утром, Хашим в бодром настроении пришел к товарищу Сосо.

— Не бойся ничего, — сказал он ему. — Твое дело кончится очень хорошо.

— Почему это тебе так кажется? — спросил его товарищ Сталин.

— Сон я видел, Сосо. И знаешь, какой сон? Снилось мне, что ты освободил весь Кавказ от царских солдат и будто всем нам жить стало так легко, хорошо и свободно! Знай, что это хорошо. Очень хорошо, Сосо!

Об этом своем сне и о том, что он передал его товарищу Сталину, Хашим любил рассказывать грузчику Мустафе Ацанба.

Однажды ночью товарищ Сосо сидел в квартире Дарахвелидзе. Вместе с ним был там и Коция Канделаки. Беседовавшие и не подозревали, что под домом сидели шпики и подслушивали их [1].

Внезапно в дом ворвалась полиция и приступила к обыску. Весь дом оказался окруженным полицией.

Долго рылись полицейские во всех углах квартиры и, ничего особенного не найдя, объявили арестованными Сосо, Коция Канделаки и братьев Дарахвелидзе. Товарищ Сосо спокойно стоял у окна, курил папиросу и успокаивал товарищей, говоря, что все это пустяки, не стоящие особенного внимания [2].

[1] В низменных местностях Закавказья во избежание сырости дома принято строить на высоких каменных столбах.

[2] Незадолго до ареста полиция производила обыск в одной из конспиративных квартир в городе. В то время когда в передних комнатах шел обыск, в отдаленных комнатах находилось несколько рабочих-революционеров и среди них товарищ Сталин. Узнав о приходе полиции и понимая, чем это может кончиться, некоторые рабочие предложили всю вину свалить на товарища Сталина. На этом же настаивал и сам товарищ Сталин. Но наиболее сознательные рабочие запротестовали против такого шага, говоря: «Что мы в юбках, что ли, ходим, что не можем спасти нужного партии человека?» Случилось так, что полиция, ограничившись обыском передних комнат, удалилась. Это обстоятельство само по себе разрешило спор.

Это было 5 апреля 1902 года.

Во время пребывания Сталина в тюрьме Хашим неоднократно добивался свидания с ним, но ему этого не резрешали. Товарищ Сталин часто видел из окна своей камеры Хашима, неустанно бродившего вокруг тюрьмы.

В темном просвете тюремного окна Хашим, несмотря на все усилия, не мог разглядеть Сталина.

Однажды товарищ Сосо окликнул его:

— Хашим, Хашим! Как поживаешь?

Только тогда Хашим заметил его и, размахивая руками, ответил:

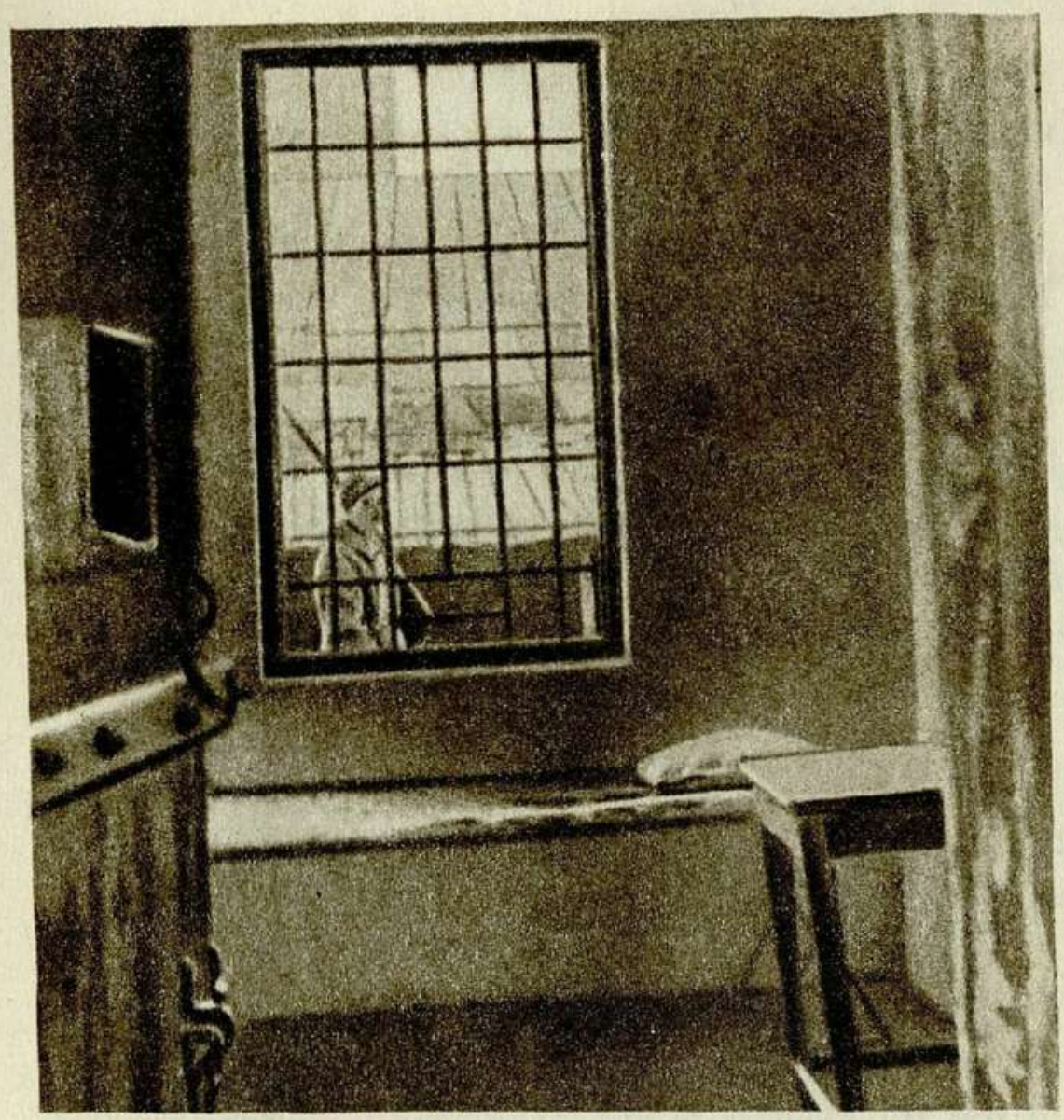
— Хорошо, не бойся!

И долго еще стоял Хашим, глядя на окно и сочувственно кивая узнику головой.

Из батумской тюрьмы товарища Сталина перевели в кутаисскую и посадили в первом секрете так называемой Большой тюрьмы.

После прибытия новой группы политических заключенных товарищ Сталин организовал тюремную забастовку.

Волнение в тюрьме приняло настолько большие размеры, что явились прокурор, губернатор и другие власть имущие. Сталина вызвали на допрос, где он со всей настойчивостью и упорством защищал выставленные политзаключенными требования об улучшении тюрем-



Камера батумской тюрьмы, в которой был заключен товарищ Сталин.

ной жизни. Требования были удовлетворены: заключенные были переведены в одну большую камеру, разрешено было приобрести тахты за свой счет, чтобы не приходилось спать на цементном полу, и т. д. и т. п.

Товарищ Сталин организовал в тюрьме кружки и вел систематическую работу, разъясняя программу партии и объясняя, как организовать работу среди крестьян. После шестнадцатимесячного заключения товарища Сталина выслали на три года в Восточную Сибирь — в село Новая Уда, Балаганского уезда, Иркутской губернии. Проводы товарища Сталина остающимися арестованными вылились в новую демонстрацию всех арестованных.

В батумском подполье наступило затишье. Вслед за товарищем Сосо были высланы из Закавказья и другие видные руководители революционного движения.

Но затишье продолжалось недолго.

Уже через месяц по прибытии в ссылку, в январе 1904 года, Сталин бежал из нее и вернулся на нелегальную работу в Закавказье.

После раскола на II съезде партии Сталин, не колеблясь, становится на сторону Ленина, на сторону большевиков. И вот однажды товарищ Сосо снова появился в Батуми в одежде солдата под именем Коба. Почти одновременно с ним в Батуми прибыл видный меньшевик Петре (Ной Рамишвили). Несмотря на то,

Нелегальный приезд товарища Сталина из ссылки в Тбилиси в 1904 году.
С картины художн. А. Цимакуридзе.

что большинство революционно недозревших еще рабочих оказалось на стороне меньшевика Петре (Ноя), лучшие, закаленные в борьбе рабочие стали на сторону Сталина.

Сосо обходил фабрики и заводы и, проверяя ряды рабочего класса, чутко наблюдал за тем, кто в какую сторону склоняется. Однажды, придя на завод Манташева, товарищ Сосо подошел к меньшевистски настроенному рабочему Павле Долибадзе и спросил его:

— Неужели, Павле, ты тоже стал рассуждать по-меньшевистски?

Товарищ Сосо кое-что раньше уже слышал о настроениях Павле.

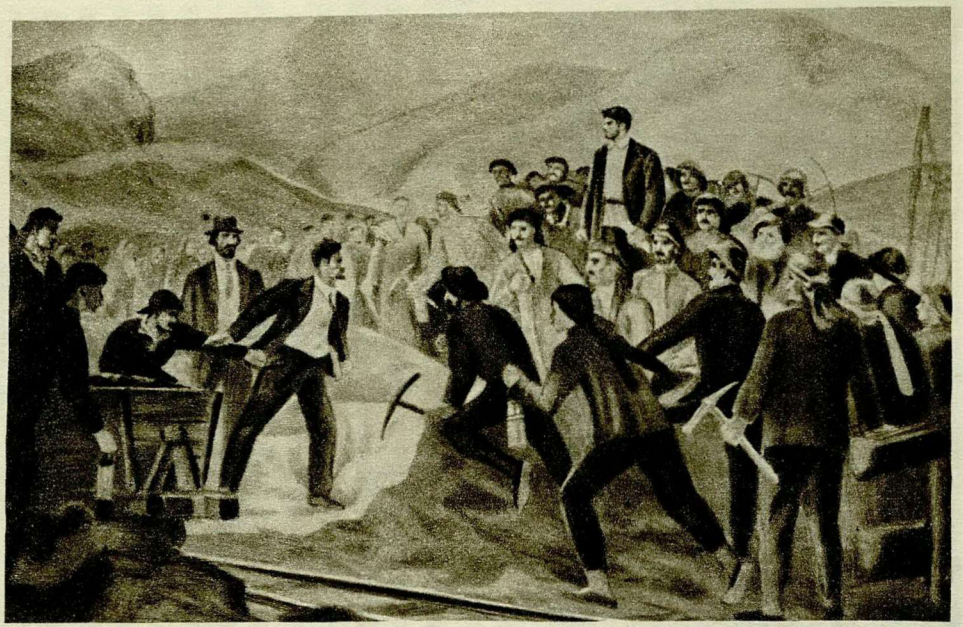
— Большинство моих товарищей там, поэтому и я с ними.

Товарищ Сталин укоризненно посмотрел на Долибадзе и угрюмо сказал:

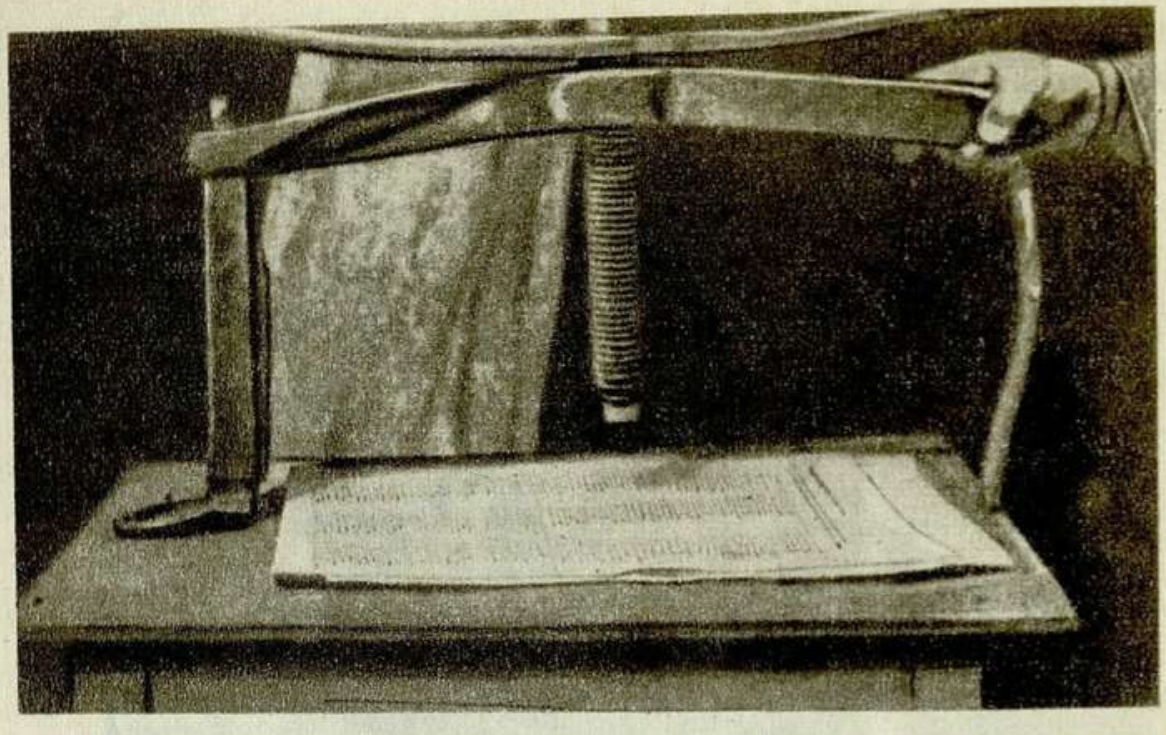
— Большинство-то это, положим, что и не большинство, — это я говорю тебе в смысле качества революционеров. А в общем, ничего: придет время, и ты узнаешь, кто был прав и кто не прав.

Круто повернувшись, товарищ Сосо вышел из цеха.

Еще до приезда его, услышав о расколе партии, товарищ Илларион Дарахвелидзе спросил как-то у наборщика бывшей подполь-



Товарищ Сталин на митинге в Чиатурах в 1905 году разоблачает меньшевиков.



Печатный станок подпольной типографии, сохраняемый семьей Смырба.

ной типографии товарища Георгия, что́ думает он о случившемся в партии.

Товарищ Георгий ответил:

— Сейчас я еще ничего не могу тебе сказать, потому что я жду приезда Сосо, а когда он приедет, я буду придерживаться того, что́ он мне скажет, так как я уверен, что Сосо не ошибется.

С того времени товарищ Сталин продолжал свою революционную деятельность в Закавказье, работал в Тбилиси, Кутаиси, Баку, Батуми, Чиатурах, Озургетском уезде и в других местах. Товарищ Сталин был главным оппо-

нентом меньшевиков, ведя ожесточенную борьбу против меньшевизма, за идейную гегемонию большевизма.

Большевики в Грузии и во всем Закавказье сформировались и выросли под непосредственным руководством товарища Сталина, который уже и тогда являлся видным теоретиком, вдохновителем и организатором большевизма в Закавказье.

Вспыхнула мировая империалистическая бойня 1914 года.

Старый Хашим Смырба нашел лучшим для себя переселиться на время войны в Абхазию. Покидая вместе с семьей свой очаг, Хашим не забыл зарыть в землю все типографское имущество и, засыпая его влажной землей, говорил своему сыну:

— Ничего, Хемды, пусть полежит все это. Наверное, пригодится еще.

В доме Хашима поселились солдаты. Заметив однажды свежую насыпь в саду, они решили, что там запрятано что-то, может быть, подходящее и для них. Солдаты откопали типографский станок и, видя, что эти вещи не представляют для них интереса, разбросали их по саду.

Грянула революция. Хашим вернулся в свой дом. Осматривая заботливым взглядом свой старый сад, Хашим увидел разбросанным то, что он когда-то так бережно прятал. Долго шарил Хашим в траве, собирая отдельные куски разбросанной типографии. Когда все найденное было собрано в одно место, Хашим позвал сына:

— Смотри, Хемды! Ты, наверное, помнишь, что это такое. Это то, что помогало делать революцию. Запрячь все это хорошенько, Хемды, и пусть хранится это так, чтобы, глядя на эти куски железа, я мог вспоминать дорогого Сосо.

50г

32551

С 76

Сталин и Хашим

70к

~~32551~~

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

К

Цена 70 коп.

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕЧКА
ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

1. О ЛЕНИНЕ
2. СТАЛИН и ХАШИМ
3. В. КУЙБЫШЕВ — Эпизоды из моей жизни
4. М. ГОРЬКИЙ — 9 января
5. Д. ФУРМАНОВ — Красный десант
6. А. ФАДЕЕВ — Как погиб Сергей Лазо
7. А. ФАДЕЕВ — Амгуньский полк
8. Ф. КОН — Наша амнистия
9. В. СТАВСКИЙ — Сильнее смерти
10. А. ЗУЕВ — Остров смерти